

INSPIRIA

ЕЕ ДУША

18+

ХАРЛИ ЛАРУ

 INSPIRIA

Харли Лару

Ее душа

Серия «Inspiria Ромэнтези. Темные хиты Буктока»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74107612
Ее душа / Харли Лару : Эксмо; Москва; 2026
ISBN 978-5-04-249709-4

Аннотация

Готический хоррор сливается с обжигающей романтикой и драйвом охоты на монстров.

Тёмный фаворит полуночного буктока.

Рэй привыкла видеть мир через объектив камеры, выхватывая из тумана древнее зло. Но когда тени начинают охоту, ее единственным шансом на спасение становится Леон – опасный демон, веками считавший людей лишь игрушками.

Он страж проклятого города и его главный палач. Хищник, который никогда не знал привязанности, пока не встретил ту, чье бесстрашие заставило его замереть в предвкушении. Теперь Рэй для него не просто жертва. Она – его единственное сокровище.

Ради нее Леон готов нарушить правила собственной охоты и сразиться со скрытым миром. В этой гонке на выживание страсть

становится единственным оружием, а руки чудовища – самым безопасным местом на земле.

«Я увидел тебя – и почувствовал... Не гнев. Не ненависть. А нечто новое. Ты такая яркая. А я слишком долго жил во тьме.»

«Харли Лару создала монстра, перед которым невозможно устоять. Это идеальное сочетание леденящего душу хоррора и всепоглощающей страсти. Вы будете затаив дыхание следить за каждым шагом героев. Приготовьтесь – эта книга заберет вашу душу».

Кэти Робертс, автор бестселлера «Неоновые боги»

Содержание

Предупреждение	7
1. Леон	8
2. Рэй	20
3. Рэй	31
4. Рэй	41
5. Леон	56
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Харли Лару

Ее душа

Harley Laroux

Her Soul to Take

© 2021 by *Harley Laroux*

© Парахневич Е., перевод на русский язык, 2026

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2026

Посвящается моему мужу.

Лучику света в темноте.

Предупреждение

В книге содержатся откровенные сцены и эпизоды с изображением насилия. Описанные события – часть художественного вымысла и не являются руководством по сексуальному воспитанию или практике БДСМ. Некоторые эпизоды могут вызвать дискомфорт или быть неприятными для читателей. Будьте осторожны!

1. Леон

– Во имя Обитателя Глубин была пролита кровь. Он пробудился.

Сам знаю, Кенту незачем зря сотрясать воздух. Смертные вечно талдычат прописные истины – будто я не способен уловить, как дрожит земля под ногами и гудят в напряжении старые корни. Словно я не слышу, как в темноте сгущается шепот, а щупальца древней непостижимой мысли тянутся вперед, исследуя пространство в поисках бреши.

Бетон, что погреб меня заживо, не мог заглушить этого трепета. Кенту нет нужды расхаживать взад-вперед и вещать пафосным тоном. Или, может, напыщенный болван ждет, что я, услышав новости, паду пред ним на колени?

Скрестив ноги в проклятом магическом круге я принялся точить когти о бетонный пол, не удостоив своего «повелителя» с прихвостнями даже взглядом. В ответ на громогласное заявление я лишь фыркнул – и, кажется, изрядно раздосадовал прибывших.

– Демон, ты меня слышал? – резко бросил Кент, сжимая в пальцах потрепанный кожаный томик с заклинаниями. Эта проклятая книжица всегда была при нем. Все равно что дубинка, занесенная над моей головой. Без гримуара человек вроде Кента, лишенный магических способностей, не способен удержать меня и часа.

– Слышу, – устало вздохнул я, откинувшись назад и постукивая когтями по полу. – Прости, Кенни, мальчик мой, что не прыгаю от радости. Раз ты бахвалишься тем, что твой древний божок удосужился зевнуть, значит, он еще не окончательно проснулся. А если так – силы, которой ты жаждешь, тебе не видать.

Его лицо угрожающе потемнело, и я понял, что еще пара слов – и мне точно достанется.

В плену ужасно скучно. Единственное развлечение здесь – прощупывать границы терпения своего хозяина, пока он не решится меня наказать.

Я пожал плечами.

– Ну да ладно. Ты же, наверное, с поручением. Пришел послать меня с очередным мелким заданием, а потом снова запереть в этой темнице. Слушаю и повинуюсь.

Костяшки его пальцев побелели. Все-таки в Кенте есть нечто аристократическое. В викторианском Лондоне он смотрелся бы не хуже, чем среди бизнес-элиты Сиэтла: темно-серый костюм, черный галстук с едва заметной полоской, безусловно уложенные седые волосы и характер – мрачный, как пасмурные небеса над Вашингтоном, и почти столь же непредсказуемый.

– Лучше побереги силы для предстоящего дела, демон, – процедил Кент сквозь стиснутые зубы, еле сдерживая ярость. – Хватит трепать языком. Или хочешь, чтобы я снова его оторвал?

Одна из фигур в белой хламиде у него за спиной хихикнула. Я злобно сверкнул глазами, но промолчал. Кент заставлял свою свиту носить длинные хламиды и маски из оленьих черепов, однако я знал, что двое безликих существ, постоянно его сопровождавших, – это отпрыски семейства Хэдли. От Виктории всегда несло едкой горечью искусственной ванили и химической косметикой, а от Иеремии – дешевым дезодорантом и ядреным гелем для волос.

– Сегодня в полночь отправишься на кладбище Уэстчерч, – приказал Кент. – Пойдешь тихо, чтобы тебя никто не заметил. Найдешь могилу Маркуса Кайнса. Выкопаешь тело. Засыплешь яму. Тело доставишь в шахту «Белые сосны». Все ясно?

Мне нравится мой язык. Растить новый – удовольствие сомнительное.

– Ясно, – ответил я.

В моей проклятой каморке не было часов, но я все равно почувствовал наступление полуночи. Мир слегка сдвинулся в сторону границы между Раем и Адом. Полночь всегда мне нравилась, как и возможность размять ноги, покинув магический круг.

Кент держал меня в нем практически все время, даже вырезал знаки в бетонном полу. Как и его отец и дед до него, он боялся, что, если выпустит меня без лишней надобности, я найду лазейку и вырвусь на свободу. Хорошо бы... Увы, у Кента есть книга с заклинаниями, а в ней – мое имя, последняя оставшаяся запись. С ее помощью он сумеет призвать меня в любой момент.

Вдобавок он опасался, что я, будучи крайне злопамятным, найду способ обойти правила и отыграюсь за все свои обиды – например зверски убью и его, и всю его родню до последнего колена. Это было бы весьма приятно – я даже готов навлечь на себя гнев всех правителей Ада, лишь бы получить

наконец возможность стереть эту семейку с лица земли.

Но, увы, прошло уже больше века, а я до сих пор у них в услужении. Честно говоря, это впечатляет. Ни одному человеку раньше не удавалось призвать меня и умереть собственной смертью. Не зря на Земле осталась лишь одна книга с моим именем – колдуны быстро поняли, что подчинить меня непросто, и сочли за благо держаться подальше.

За мной тянется шлейф из мертвых заклинателей. Не передать словами, как мне не терпится пополнить этот список.

Ночь выдалась холодной и туманной. На соснах осела роса. Кладбище Уэстчерч пряталось среди деревьев и почти не просматривалось с безлюдной дороги. Старые надгробья рядами выстроились на запущенной лужайке. Могилу Маркуса я нашел быстро: свежий холмик был увенчан простой плоской плитой.

Маркус Кайнс. Двадцать один год.

Именно его «пролитая кровь» пробудила божество Хэдли. Странно, что Маркуса вообще похоронили. Обычно, когда жертва принесена, тело сразу преподносят божееству в дар. Иногда – еще живое, чтобы тот позабавился на досуге. А тут – могила, кладбище. Как-то... неприлично даже.

Голыми когтистыми руками я быстро раскидал землю. Гроб оказался простым, деревянным, без каких-либо изысков. Когда я приподнял крышку, в нос ударил резкий запах формальдегида. Маркуса похоронили в самом дешевом костюме, а лицо его, густо обмазанное гримом, казалось вос-

КОВЫМ.

– Проснись и пой, – буркнул я. Перекинув тело через плечо, выбрался из ямы и бросил его рядом с кучей земли. – Погоди-ка, дружок. Не будем огорчать маму, не надо ей знать, что могилу сыночка осквернили.

Я поспешил засыпать яму и снова взвалил Маркуса на плечо, после чего направился в сторону шахты «Белые сосны».

Идти было недалеко, я добрался бы в два счета, если бы не мертвец, болтавшийся у меня на спине. Впрочем, гулять по лесу в компании покойника все равно приятнее, чем сидеть в бетонной темнице.

До места я добрался аккуратно к назначенному времени – в самый разгар ведьминога часа. Начался мелкий дождь, и Маркус с каждой секундой вонял все сильнее. Сквозь трупный смрад и запах мокрой земли пробивался дымный аромат. Где-то жгли костер.

Кента и всю его веселую шайку я нашел глубоко в чаще, на склоне холма. Люди облачились в белые хламиды и маски с оленьими черепами. Их собралось не меньше двух десятков – они бродили между деревьями под черными зонтами и вполголоса переговаривались. Теперь понятно, почему этот захолустный городишко бурлит слухами о криптидах. Благодаря маленькому культу Кента под названием Либири почти каждый житель Абулума может поведать историю о живущих в лесу чудищах.

И, надо признаться, слухи эти недалеко от истины. Чудо-вища тут действительно есть. Только вполне себе человеческие.

Надевать хламиду не стала только Эверли, незаконнорожденная дочка Кента Хэдли.

Она была чуть старше Виктории и Иеремии. Хрупкая голубоглазая блондинка в своем обычном черном платье стояла в стороне от окружающих. Судя по лицу, юная ведьма была в ужасе от происходящего, а когда увидела меня с трупом на плече, и вовсе чуть не грохнулась в обморок.

– Братья и сестры, наша жертва прибыла! – провозгласил Кент звучным, хорошо поставленным голосом: то ли южный проповедник, призывающий огонь и серу, то ли воспитатель детского садика, под клумбами которого прикопано с полдюжины тел.

Не передать словами, как бесил меня и этот тон, и манера щелкать пальцами, будто я ему цирковая обезьянка.

– Сюда. Клади.

Я с размаху швырнул Маркуса к ногам Эверли. Ее лицо на миг скривилось в болезненной гримасе. Что, узнала покойника? Может, учились вместе? Или сердечко дрогнуло, когда вдруг выяснилось, что «прелести смерти» в реальности куда грязнее и противнее, чем в отцовских речах?

– Раздень его, – велел Кент.

Я разорвал дешевый костюм будто бумагу. Обнажившаяся грудь была покрыта множеством колотых ран, которые не

скрыл бы никакой грим; среди них выделялись корявые линии и руны жертвенного обряда.

Судя по виду покойника, работали небрежно, наспех, спустя рукава. Если не ошибаюсь, даже... спонтанно?

Я вскинул бровь и посмотрел на Кента, но тот, разумеется, проигнорировал невысказанный вопрос и молча кивнул Эверли. Юная ведьма, бледная как мел, опустилась на колени и принялась изучать руны.

– Получилось, – наконец произнесла она, после чего быстро вскочила и отошла подальше от тела. – Действовали грубо, но сработало.

Она с опаской покосилась на толпу, словно боялась невзначай оскорбить кого-нибудь и нарваться на неприятности.

– Превосходно, – тихо проговорил Кент. Потом уже громче напыщенно добавил: – Мы долго ждали этого дня, дети мои. Глубинный милостиво терпел, и сегодня первый из трех отправится к его недрам. Да последуют за ним еще двое!

– Да последуют еще двое! – хором откликнулась толпа.

Все, кроме Эверли, которая сжала губы в тонкую жесткую линию.

– Слуга, отнеси жертву к шахте, – велел Кент.

Слуга. Да чтоб ты сдох! Или хотя бы подавился собственным языком!

– Иеремия пойдет с тобой. Это его жертва, пусть он преподнесет ее в дар.

Из толпы выступил силуэт, источавший запах дешевого дезодоранта. Ну конечно – Иеремия. Эта жалкая суетливая имитация ритуала могла быть только его рук делом. Я фыркнул, но все-таки поднял обмякшее тело Маркуса и, не удостоив «наследника» взглядом, не говоря уж про слова, направился в глубь леса.

Иеремия пытался выйти вперед, однако я двигался быстрее; он отставал. Терпения у мальчишки оказалось еще меньше, чем у Кента.

– Не так быстро шевели копытами, Леон, – процедил он. – Иначе, клянусь, в следующий раз папаша оторвет тебе яйца.

– К чему такая горячность? – усмехнулся я, но шаг сбавил. Пусть идет первым, наслаждается иллюзией власти. А я пока буду разглядывать его затылок и в красках представлять, как раскрою ему голову. – Значит, ты постарался, да? Нелегко пришлось?

– Этот ублюдок пытался сбежать, – сказал Иеремия и мрачно рассмеялся. – Далекое не ушел. Визжал как свинья. Знаешь, Леон, теперь я понимаю, почему тебе нравится убивать. Это же... невероятно!

Я скрипнул зубами.

– Не думай, будто понял, что такое смерть, после одной-единственной грязной бойни. погоди, пока ваш божок проснется. Он-то покажет вам настоящую резню.

Иеремия хотел огрызнуться, но мы уже пришли.

Перед нами в тени деревьев находилась шахта «Белые сос-

ны». Заколоченный почти сто лет назад вход был испещрен рунами, которые вырезали в потемневшем дереве, выггли клеймом или наспех намалевали краской. Над проемом на обрывках цепи болталась металлическая табличка: «ВНИМАНИЕ: ОТКРЫТАЯ ШАХТА. НЕ ВХОДИТЬ». Землю покрывал мох, у самого входа густо росли грибы с белыми шляпками.

Камни дрожали. Деревья тревожно покачивались. В воздухе витал тяжелый чуждый запах, как от застоялой воды и гниющих водорослей. Где-то в затопленных тоннелях под ногами шевелилось древнее божество.

Я всякого повидал в своей жизни, но даже у меня по спине пробежал холодок.

– Вот, держи, – сказал я, толкнув Маркуса в руки Иеремии. Тот с визгом отскочил, и бедный Маркус шлепнулся в грязь.

– Ты что себе позволяешь?! – Голос Иеремии сорвался на фальцет. Вся уверенность тут же слетела с него. – Я не буду его трогать!

– Это твоя жертва, – пожал я плечами. – Или ты хочешь, чтобы дар вашему Глубинному сбросил в шахту демон?

Иеремия замялся, поглядывая то на труп, то на шахту. Нервно сглотнул, дернув кадыком. Если честно, нет особой разницы, кто именно скинет труп. Но раз уж представилась возможность подгадать Иеремии, я ее не упущу.

Наконец, скривившись от отвращения, он поднял Марку-

са на руки: задача непростая, учитывая, что мертвец был почти одного с ним роста и телосложения. С трудом удерживая ношу, Иеремия побрел к шахте и остановился у входа, вглядываясь в полную темноту.

А что, если просто толкнуть его? Две жертвы по цене одной – Кент наверняка оценит.

Но я сдержался. Время для мести еще придет.

Если божок в шахте не проснется и не прикончит меня первым...

С натужным стоном Иеремия сбросил тело Маркуса в темноту. Тот с глухим стуком ударился о землю, прокатился по камням и с плеском упал в воду затопленного тоннеля. Запах соли стал резче. Поднялся ветер, зашумели деревья. Желудок неприятно сжался.

Иеремия поспешно отступил от шахты, вытирая руки о хламиду, и молча зашагал вниз по склону холма.

Я остался, глядя в темноту. Пальцы на ногах поджимались от гула снизу, череп вибрировал. Прилив завтра будет выше обычного, а деревья начнут медленно вытягивать корни из земли, словно пытаясь сбежать как можно дальше от спящей внизу твари, присутствие которой искажает саму ткань бытия.

Из темноты донесся вой, похожий на крик лисицы, но долгий и полный такой агонии, что волосы на затылке встали дыбом.

Пора уходить.

Я не хочу иметь с этой дрянью ничего общего – ни сейчас, ни когда-либо потом.

Проснулось не только древнее божество.

2. Рэй

Есть нечто волшебное в том, чтобы вернуться в места, где прошло твоё детство. Давние воспоминания были призрачными, словно горячечный бред. Казалось, здесь совершенно другой мир, непохожий на тот, где я жила прежде. Всю юность я провела на побережье Калифорнии, где валялась на пляже с сигаретами и пивом. Но в детстве... в детстве меня окружали чудеса. В здешних изумрудных лесах жили феи, единороги и прочие волшебные существа. Мое детское воображение было так переполнено фантазиями, что отец все-таки опасался, смогу ли я жить в обычной реальности.

Он оказался прав. Настоящий мир меня совершенно не

прельщал: ни офисная рутина, ни жесткие воротнички рубашек, ни убогие туфли, от которых под вечер невероятно болят пальцы. Зато реальность позволяла в старости перебраться в Испанию – именно поэтому я сейчас возвращалась в родные пенаты, а родители оформляли продажу дома в Южной Калифорнии и подбирали жилье на европейском побережье.

Я могла бы уехать вместе с ними, но решила остаться и получить диплом. Папа сказал бы, что это «разумно и повзрослому». Пожалуй, взрослеть мне и правда пора. Как-никак, скоро я перестану быть студенткой.

Дорога на север казалась бесконечной. Поясница затекла, плечи ломило, а Чизкейк бесился оттого, что второй день подряд вынужден трястись в машине. Пузатого кота не радовала даже картошка фри, которой я изредка с ним делилась. Я ехала сквозь серую пелену дождя, пока наконец в мокрых зарослях впереди не мелькнул нужный знак: «Добро пожаловать в Абелум. Население 6223 человека».

Точнее, теперь уже 6224 – если считать меня.

Ливень к тому времени сменился моросью. Краски стали ярче, лес – гуще. Высокие сосны окружал подлесок из папоротников и молодой поросли, у корней которой белели призрачные хрупкие шляпки грибов.

Мне, конечно, надо было обустроиваться в доме и распаковывать вещи, но я, быстро затащив коробки в гостиную и насыпав Чизкейку корма, снова села в машину и поехала

на Мейн-стрит. Там в магазинчике «Золотой час», который располагался на углу трехэтажного кирпичного здания, меня ждала Инаяя – моя лучшая подруга вот уже почти пятнадцать лет.

В «Золотом часе», к слову, она была хозяйкой. Инаяя воплотила мечту в реальность и открыла самый уютный книжный магазинчик из всех, что я видела.

– Почти закончила, – сказала она, быстро печатая на ноутбуке.

Ее руки украшали изящные золотые кольца с пчелками и цветами в тон нашивкам на розовой куртке. Она была как солнечный лучик в пасмурном небе, которое висело у меня над головой с того момента, как я выехала из Сан-Франциско. Стоило оказаться рядом с Инайей, и на душе стало теплее.

– Не спеши, подруга, подожду.

Изначально мы договаривались встретиться вечером, но я не выдержала – слишком уж не терпелось ее обнять. Теперь, правда, стало немного стыдно оттого, что я заявила в разгар рабочего дня и мешаю подруге заносить в каталог партию новых книг.

Я подхватила одну из стопок, которые она уже обработала, и прижала к груди.

– Отнести на место?

– Рэй, эта стопка больше тебя! – рассмеялась Инаяя. – Не нужно ничего делать.

Стопка и впрямь закрывала мне обзор, к тому же очки сползли на самый кончик носа, но я уперлась:

– Куда нести?

– Ладно, там сзади – желтая тележка, – махнула она рукой. – Спасибо!

Увы, с гравитацией у меня всегда были непростые отношения. Даже токсичные, я бы сказала. Очки съехали набедренный, шнурки развязались – и я рухнула посреди магазина, рассыпая книги по полу.

– Все нормально! – тут же заорала я.

Иная согнулась пополам от хохота.

Я поползла на четвереньках, собирая книги, пока пальцы не коснулись потрепанной кожаной обложки тонкого томика. Книга оказалась ледяной.

Я с любопытством повертела ее, разглядывая обложку. Надпись и узор будто были выжжены клеймом, а слова – совершенно незнакомы. На первый взгляд вроде латынь. Я достала телефон и напечатала фразу в приложении-переводчике.

И точно – латынь.

На обложке было написано: «Магия и заклинания».

– Нашла что-то интересное? – спросила Иная.

Я вздрогнула. В ушах раздался шум, словно далекий рокот волн в длинном тоннеле. В животе возникло странное чувство падения.

– Ага... Глянь. На вид – старая.

Я передала находку Инайе, но когда книга выскользнула из рук, меня пронзило легкое чувство страха. Тут же захотелось выхватить ее обратно.

Иная сосредоточенно перелистнула страницы.

– Ух ты! – выдохнула она. Глаза у нее стали огромными, а пальцы бережно заскользили по бумаге. – Она даже не печатная, а рукописная!

Я поднялась и подошла ближе, заглядывая ей через плечо. Книга была раскрыта посередине. На одной странице виднелся рисунок странного зомби-пса, лохматого и костлявого. На другой – аккуратные строчки латыни.

Очень похоже на дневник натуралиста. Такой мог вести Дарвин на Галапагосе... если бы там обитали волшебные чудовища.

– По-моему, это гримуар, – тихо сказала я.

Иная взглянула на меня с недоумением.

– Ну, книга с заклинаниями и ритуалами. Вроде «Малого ключа Соломона». Найти оригинал – большая удача. Очень редкая штука.

Иная покачала головой, усмехнулась и бережно захлопнула книгу.

– Такое чувство, будто ее написали специально для тебя. Заберешь?

– Иная, ты что! Ей же цены нет. Я заплачу... Скажи, сколько?

– Не спорь, – отмахнулась она, отходя к прилавку. – Счи-

тай это подарком подружке невесты.

Она достала из-под стойки лист коричневой бумаги, с величайшей осторожностью завернула гримуар, закрепила обертку скотчем и перевязала бечевкой.

– Все эти книги нам отдало Историческое общество Абелума. Они годами пылились у них в хранилище. Так что мне достались даром.

Иная протянула мне сверток. Я взяла его с трепетом – точно священную реликвию.

– Жуткая книжка – для жуткой девчонки, – подмигнула подруга. – А теперь, может, сделаем перерыв? Хочешь кофе?

– То есть она просто взяла и свалила? За неделю до переезда: «Давай, мол, пока-пока, удачи, чао»? – Иная качнула головой, раздраженно постукивая розовыми ногтями по чашке с кофе. – У тебя, Рэй, просто талант находить всяких сволочей.

Я кивнула, тяжело вздохнув. Обида от того, что Рэйчел свалила из-за переезда, все еще саднила занозой в боку. Конечно, я не строила грандиозных планов, но общий интерес к паранормальному и заброшенным местам сглаживал наши

проблемы те полгода, что мы были знакомы.

– Хотя, – добавила Инайя, – новая стрижка получилась классная. Очень-очень модная. В духе шестидесятых. Тебе идет.

Я провела рукой по волосам и улыбнулась. Они были короче и темнее, чем при нашей последней встрече: рыжевато-каштановые пряди я перекрасила в черный и сделала каре в тот же вечер, когда Рэйчел отчалила. Мне и самой ужасно нравилось – будто я открыла новую страницу в жизни.

– Теперь могу официально называть себя библиотечной готкой, – пошутила я, поправляя очки на переносице.

Инайя приподняла бровь.

– Или, точнее, готкой-ботаником.

– Для меня ты всегда останешься девочкой-призраком, милая моя, что бы ты ни сделала со своими волосами, – хихикнула подруга.

Несколько минут мы сидели молча, потягивая кофе. Кофейня «Маленькая бухта», расположенная рядом с «Золотым часом», была очаровательно эклектичной. Работы местных художников соседствовали с необычными бронзовыми скульптурами, мягкими креслами и старыми деревянными столиками. Мы устроились возле окна, откуда открывался вид на лес, подступающий к другой стороне улицы.

– Ну и как тебе снова в родном домике? – спросила Инайя, отпивая латте. – Уже встретила своего старого призрака? Как мы его тогда прозвали?.. А, точно! Ночной ковбой!

Я улыбнулась. Давненько не вспоминала о старом госте.

– Пока нет, но посмотрим, что будет ночью. – Я потеряла пальцами подбородок. – Может, поставлю пару тепловизоров и наконец-то запишу полноценный призрачный силуэт.

– Кстати, а как поживает твой... «ПризраВлог»?

Я не смогла сдержать смешок – так Иная в шутку называла мой ютуб-канал про призраков. Хотя, признаться, вопрос заставил внутренне поморщиться.

– Потихоньку... Подписчики растут...

– Уже сняла что-нибудь эпичное? Призраков... или чего-нибудь еще?

– Пару раз записала чьи-то голоса. И несколько светящихся шаров тоже.

– Ух ты... Круто.

Ага. Круче не бывает.

Именно такая вялая реакция скоро будет у моей аудитории, если ничего не изменится. В интернете давно нет места настоящим паранормальным расследованиям – особенно когда всякие шарлатаны разыгрывают шоу с Полуночным человеком, повсюду пихают дешевые спецэффекты и корчат из себя медиумов, чтобы пощекотать зрителям нервы. На их фоне мои длинные записи и неразборчивые шумы с приборов – чистейшее занудство.

Мне нужно что-нибудь грандиозное.

Нечто шокирующее.

Осязаемое.

Но духи, разумеется, жили по своим собственным законам и оставались глухи к моим призывам. Все чаще я возвращалась из «проклятых» мест с пустыми руками и в полнейшем раздражении. Уйма времени и сил уходила на хобби, которое не приносило ни дохода, ни радости. Наверное, скоро придется закрыть блог и заняться поисками «нормальной» работы. Доходы от рекламы не позволят мне жить самостоятельно, особенно когда через год, после окончания университета, родители продадут домик, где я живу.

– Уж поверь, здесь ты точно найдешь кучу отличных мест для съемок, – сказала Инаяя, вытаскивая меня из вороха грустных мыслей. – В городе столько легенд... Для тебя это просто золотая жила.

Я кивнула. Расти в Абелуме – все равно что жить среди призраков: не обязательно настоящих, но точно из прошлого. Когда-то это было одно из богатейших шахтерских поселений на северо-западе страны. До сих пор в лесах можно найти заброшенные шахты, а в самом городе – кучу старинных зданий, старательно отреставрированных местными энтузиастами.

Историей здесь дышал каждый уголок.

А где история, всегда найдется место трагедиям.

– О, кстати, ты уже видела миссис Кэти? Она по-прежнему живет рядом с тобой, – хмыкнула Инаяя. – Помнишь, как твой папа разозлился однажды, когда она рассказала нам про ту жуткую аварию на шахтах в конце позапрошлого века?

– Естественно, помню. После того случая я и увлеклась ужастиками. Но если серьезно – кто вообще рассказывает такие страсти первоклашкам? – Я скорчила гримасу, передразнивая нашу бывшую учительницу, и пискляво заговорила, размахивая пальцем перед воображаемым классом: – «Кстати, деточки! Хотите услышать о шахтерах, которые застряли в затопленной шахте и были вынуждены есть друг друга, чтобы выжить? А если каннибализм не напугает вас, мелких сорванцов, то как насчет чудовища, живущего в заброшенных штольнях?»

– Не чудовище, а «древнее божество», – фыркнула Инайя, изображая в воздухе кавычки. – Она, между прочим, сама во все это верила. Миссис Кэти – та еще чудачка.

– Да ладно, не верила она...

– Еще как верила! Или ты забыла, как она развешивала по всему дому рыбы кости и серебряные ложки? Якобы от сглаза; так она говорила моей маме. – Инайя пожалала плечами, допивая остатки латте. – Я люблю этот город, но люди, живущие в лесу, иногда становятся очень странными. Миссис Кэти не единственная, кто верит в старинные легенды.

– Кстати, о легендах... – Я с самым невинным видом постучала пальцами по чашке. – Старая церковь еще стоит? Та, что рядом с шахтой, откуда вытащили троих уцелевших?

– Святого Фаддея? Кажется, да. – Инайя нахмурилась. – Не думаю, что мистер Хэдли позволил бы ее снести. Он очень бережно относится к историческим объектам.

Заметив мое недоумение, подруга пояснила:

– Кент Хэдли – глава Исторического общества. Классный мужик, кстати, и при деньгах. Я учусь в одной группе с его дочерью. Познакомлю тебя с Викторией в понедельник.

Я беззвучно угукнула: в голове уже начали роиться мысли о древней церквушке с трагическим прошлым. Иная, заметив это, прищурилась.

– Только сразу говорю: туда нельзя. – Голос ее стал жестким. – Церковь под запретом. Там опасно.

– Что ты! Конечно! – Я поспешно закивала. – Старая, жуткая, заброшенная церковь? Даже не подумаю туда соваться.

Иная закатила глаза.

– Ты и впрямь чокнутая. Когда-нибудь точно вляпаешься по уши.

Я приложила руку к груди, изображая обиду.

– Я? Вляпаюсь? Ни за что на свете!

3. Рэй

Мои самые ранние воспоминания были связаны с этим старым домом. Он казался достаточно большим для двух молодоженов, но когда у родителей появилась я, папин кабинет переделали под детскую, и вскоре нам стало тесно. Папа вспомнил, что всю жизнь мечтал перебраться ближе к цивилизации, и когда мне исполнилось семь, мы уехали в Южную Калифорнию. Домик стал нашей летней резиденцией, а в остальное время папа сдавал его туристам.

Деревянные стены, отполированные до блеска, буквально пропитались ностальгией. Детские воспоминания не были похожи на подростковые – они казались мягче и теплее,

будто нарисованные на холсте густыми акриловыми красками.

Лес был моим сказочным королевством, а лестница в главную спальню – величественной дорогой, по которой я водила армию воображаемых друзей. На одной из половиц под кухонным шкафом сохранился маленький портрет собаки, который я нарисовала красной ручкой в пять лет. Мама его так и не заметила, а я до сих пор при виде его испытывала легкий восторг – мой внутренний ребенок ликовал, уверенный, что совершил великий акт вандализма.

Бывший кабинет, превращенный в детскую, тоже хранил свои удивительные воспоминания. Именно там я впервые увидела призрака – Ночного ковбоя, как мы потом его прозвали.

Мама рассказывала, что я заговорила о нем в четыре года. Он появлялся из стены, проходил мимо моей кровати, замирал возле окна и исчезал. Туманная фигура, словно слепленная из дыма, была в сапогах, джинсовом комбинезоне и широкополой шляпе – поэтому я, будучи ребенком, окрестила его ковбоем. Он меня не пугал, скорее вызывал жгучее любопытство.

Так и родилась моя одержимость потусторонним.

Занятия начинались в понедельник, поэтому у меня был весь уикэнд, чтобы собрать свою жизнь заново из кучи картонных коробок. Когда я распрощалась с Инайей, на небе уже сгустились облака и снова закапал дождь, дробно стуча по окнам.

Я зажгла камин и раздвинула шторы, наблюдая, как редкий тусклый свет пробивается сквозь тучи.

Остаться здесь вечно нельзя. Рано или поздно придется искать квартиру. Но сама мысль о том, чтобы съехать, казалась нереальной и пугающей.

Я расставила книги по полкам, водрузила горшки с кактусами на подоконник в кухне, а ноутбук и прочую технику положила на столик в спальне. Уборка изрядно выматывала. Я подключила телефон к колонкам, запустила любимый плейлист и, пританцовывая под *Monsters* от *All Time Low*, принялась разгребать хлам.

Ночь пришла незаметно. Облака сделали тьму за окнами кромешной. Между песнями в паузах слышался дождь, завывал ветер и стрекотали сверчки. Оконные стекла превратились в зеркала: в них отражался мой силуэт – в очках, с большими наушниками и в мешковатом свитере. Если кто-

то ходил сейчас снаружи, я бы даже не заметила.

Кто-то мог стоять прямо за стеклом и на меня пялиться.

Следующая песня началась в тот самый момент, когда по спине пробежали мурашки. В темноте домик вдруг показался хрупким, словно его тонкие деревянные стены и большие окна не могли удержать тьму. Я не видела, что происходит снаружи, но остро ощущала на себе чужой взгляд. Кто-то наблюдал за мной. Присматривался.

На журнальном столике завибрировал телефон, и я вздрогнула. Схватила его и торопливо выключила музыку. Увидев имя на экране, улыбнулась.

– Привет, мамуля!

– Привет, родная! Как устроилась? Нормально доехала?

На фоне что-то шкворчало, и я улыбнулась еще шире. Все как всегда: мама готовит ужин, а папа, наверное, сидит в гостиной с бокалом виски и очередным детективом. Родители редко лезли в мои дела, предпочитая, по их выражению, «держать дочь на свободном выпасе»; они вмешивались только в случае крайней необходимости, когда я собиралась учинить что-нибудь совсем уж непотребное. Мама у меня – хиппи до мозга костей, будто прямиком из Вудстока, даром что взрослая. А папа – тихоня и ботаник.

– Ага, только устала немного, – отозвалась я и хихикнула: на плите что-то звякнуло, и мама тихо выругалась. Мы с ней могли болтать часами, даже когда следовало бы заняться чем-нибудь более полезным: например готовить ужин или

распаковывать вещи. – Зато пейзажи тут – просто загляденье!

Я окончательно махнула рукой на чемоданы. Мама принялась выкладывать все сплетни, которые накопились за два дня, что я провела в дороге. Папа, как обычно, пытался распланировать их переезд до мелочей, а мама – полная его противоположность – вносила суету. Очередное доказательство, что я уродилась в нее.

– Я и забыла, как тут здорово, – сказала я, устроившись на диване с чипсами. – Люди открытые, никаких сетевых магазинов, только уютные семейные лавочки. Почему мы отсюда уехали?

Мама хмыкнула, но все же ответила, понизив голос до шепота:

– Ну ты же знаешь папу. Он у нас впечатлительный... суеверный даже. Маленький город его пугал. Ему казалось, что все вокруг суют нос в чужие дела. Особенно после того, как ты пошла в школу.

Она замолчала, будто хотела сказать что-то еще, но передумала.

– Да и с работой в Калифорнии попроще...

– О, старые добрые папины суеверия, – рассмеялась я. – Единственное, что он мне передал. Дай угадаю: он изучает историю каждого дома, который вы смотрели и подумывали купить? Хочет убедиться, что там никто не умер.

Я почти видела, как мама закатывает глаза.

– Ну а как иначе?

– И правильно, – усмехнулась я. – Не хватало еще на пенсии делить кухню с мстительным призраком.

– Ой, не начинай...

Я услышала звон тарелок. Мама не сядет за стол, пока мы не попросимся.

– Ладно. Беги ужинать. Люблю тебя. Скучаю!

– И я по тебе, родная! – На заднем фоне прозвучал отцовский бас, и мама добавила: – Папа говорит, чтобы ты вела себя осторожно.

Когда я убрала телефон, дом вдруг показался еще более пустым, нежели прежде, но потом из кухни с важным видом выплыл Чизкейк и, громко мяукая, потребовал ужин. Он довольно вредный кот, но я все равно люблю его, поэтому смиренно терплю все выходки.

Встав, чтобы покормить его, я заметила торчащий из сумки коричневый сверток. Совсем забыла про подарок Инайи. Гримуар... В животе заныло от возбуждения. Так волнительно мне не было даже в тот день, когда я впервые отправлялась на расследование. Меня охватила смесь азарта, любопытства и легкого страха.

Я осторожно развернула обертку и выложила книгу на стол. Наверное, стоило надеть перчатки: она выглядела такой древней, будто место ей – в витрине музея. В уголке внутреннего форзаца виднелась размашистая надпись, но из-за витиеватого почерка я не смогла разобрать ни слова.

Я принялась листать страницы, восхищаясь детальными набросками и аккуратным мелким почерком. Сначала шли изображения разных трав и растений. Онлайн-переводчик подсказывал, что в тексте говорится про их магические свойства. Дальше были рисунки чудовищ. Костлявый зомби-волк. Безликое существо, обвитое водорослями, с щупальцами вместо ног. Многорукая тварь, напоминающая паука с клювом из сломанных веток. Иллюстрации впечатляли детальностью – такими, наверное, вдохновлялись авторы крипипаст и инди-разработчики видеоигр.

Потом начались ритуалы очищения, описания подходящей одежды, молитв, фаз Луны и астрологических явлений. Я переводила лишь обрывки – на большее не хватало терпения, но объем информации поражал. Гримуар был настоящим кладом. С каждой новой страницей сердце билось все быстрее.

Затем я наткнулась на рисунок, непохожий на прочие.

Портрет. Или, скорее, набросок. Молодой мужчина примерно моего возраста, по крайней мере на вид. С кудрявыми волосами, лежавшими завитками возле ушей; мягкие карандашные штрихи придавали им легкость. Он был без рубашки, с поджарым торсом, испещренным то ли шрамами, то ли странными татуировками. Губы полные, на подбородке ямочка. А под темными, густо прорисованными бровями – золотые глаза.

До этого все рисунки в книге были черно-белыми. Глаза

казались живыми, они словно смотрели на меня. Их текстура напоминала золотую фольгу.

На соседней странице красовалась надпись: «Как призвать и подчинить Убийцу».

Я выпрямилась, сердце в груди зачастило.

«Убийца»... «призыв»... «подчинение»...

Это была инструкция по вызову демона.

Будто ошпаренная, я отбросила от себя книгу. Беспокойство, таившееся на задворках сознания, наконец-то взяло верх. Я сомневалась, что верю в демонов и магию. Одно дело – призраки: это не более чем остатки человеческих душ и отголоски людской энергии. Но демоны – совсем другое. Это создания, которые испокон веков тысячелетиями вызывают у людей лютые кошмары. Я не отрицала их существование, но обычно относилась этих тварей, как и богов или ангелов, к области сказок.

Про места, одержимые демоническими силами, придумано множество страшных легенд. Демоны идеально играли на человеческих страхах: необъяснимые, пугающе могущественные, соблазнительные и греховные.

Я бывала в местах, где якобы водились подобные сущности, но ни разу не ощущала их присутствия.

Пронзительные светящиеся золотом глаза с портрета не давали мне покоя. Было почти два часа ночи, а я все еще лежала на диване с открытым ноутбуком и, пользуясь бессонницей, пыталась придумать идеи для новых видео.

Мои подписчики стремительно утекали к конкурентам, которые вместо того, чтобы всерьез заниматься расследованиями, нагоняли жути. «ЧТО БУДЕТ, ЕСЛИ ИСПОЛЬЗОВАТЬ ДОСКУ УИДЖИ В САМОМ СТРАШНОМ ЛЕСУ МАССАЧУСЕТСА! НАПАДЕНИЕ ДЕМОНА!» Полнейший бред – и миллионы просмотров, хотя ролик выложили всего пару дней назад.

Сквозь зеленый фильтр ночного видения я смотрела, как блогеры разыгрывают одержимость. Орут, носятся кругами по лесу, водят указателем по доске Уиджи, складывая буквы в жуткие послания, и делают вид, будто перепуганы насмерть. Один лишь фарс, и ничего более. Зрители, скорее всего, тоже понимают, что это голимая постановка, но, судя по комментариям, им плевать. Людям все нравилось. Подобный контент выпускают десятки каналов, а мой блог болтается на дне рейтинга, потому что я пытаюсь работать честно.

Я схватила вейп с тумбочки и раздраженно затянулась.

Если в ближайшем времени ничего не поменять, канал придется закрыть. И все – привет, реальность, скучная работа и прочие «прелести» взрослой жизни. Одна мысль о ней вызывала дикое отторжение, но я уже не школьница. Мне нужно оплачивать счета, а взрослая жизнь, похоже, скоро растопчет все мои детские мечты.

Снова вспомнился демон-убийца с золотыми глазами.

Я зачем-то отметила ту страницу. Спать стало еще труднее: внизу на журнальном столике лежал закрытый гримуар, и золотые глаза, казалось, вот-вот прожгут обложку.

Демон следил за мной.

И чего-то ждал.

4. Рэй

В понедельник утром небо снова нахмурилось, заморосил дождик. Я шла в университет под черным зонтом, шлепая сапогами по лужам вдоль узкой подъездной дорожки. У почтовых ящиков мне встретилась миссис Кэти, которая забирала письма. Когда почти четырнадцать лет назад она была моей учительницей в первом классе, ее светлые волосы были чуть тронуты сединой; теперь же они стали полностью серебряными.

– Здравствуйте, миссис Кэти! – радостно помахала я из-под зонта.

Старушка прищурилась, захлопала ресницами за больши-

ми роговыми очками и поспешила обратно к дому.

Ну и ладно, черт с ней!

До кампуса было идти всего пятнадцать минут, но из-за дождя дорога казалась ужасно длинной. Наконец за деревьями мелькнули готические шпили университета, оплетенные лозой и покрытые мхом. Здание выглядело так, будто здесь уже сто лет не ступала нога человека – студенты с айфонами и ванильным латте не в счет. Зонты в здешних краях явно были не в моде: мелкий дождь, похоже, смущал только меня. Все остальные надели дождевики с капюшонами.

В Южной Калифорнии подобный предмет одежды никто не носил, поэтому в моем шкафу его не было. Если не хочу выглядеть в Абелуме чужачкой, надо срочно отправляться в магазин.

Я долго бродила по широким каменным коридорам в поисках нужной аудитории, пытаюсь разглядеть цифры на маленьких золотых табличках, прикрученных рядом с темными дубовыми дверьми. Дождь усилился и теперь тонкими струйками стекал по узким окнам. За стеклом густо росли осины и ели; сквозь их ветви проглядывали высокие острые шпили. Так и тянуло каждые пару шагов достать камеру, но я все же добралась до кабинета вовремя, что можно считать великим достижением.

Занятия были типичными для первого дня; мы обсуждали программу на грядущий семестр, с одной только разницей: оба утренних преподавателя упомянули о недавней «траги-

ческой гибели студента». Нам обещали усилить меры безопасности, нанять дополнительную охрану и призвать на помощь полицию, которая «делает все возможное». Я понятия не имела, о чем речь, поэтому открыла новости.

На территории университета обнаружено тело студента: ведется расследование.

Ого – за несколько дней до начала семестра в одном из корпусов нашли труп! Как любительница криминальных историй, я полезла искать подробности, но их практически не было. Ни подозреваемых, ни улик, ни комментариев от полиции. Даже странно: убийство в столь тихом городишке должно было вызвать шквал репортажей и всколыхнуть общественность.

Утренний туман по-прежнему стлался по улицам, заполняя между старыми зданиями и делая камень еще более серым. Мох на корнях тонул в медленно плывущей белесой волне. Несмотря на дождливую погоду, студенческий совет расставил по всему двору стенды, приветствуя новичков. Возбужденная суета, обычная для начала семестра, вязла в густом тумане, который пытался заглушить разговоры

и смех.

У меня оставалось немного времени до следующей пары, и я, не удержавшись, достала фотоаппарат. Всё вокруг – от колокольни над библиотекой до кривых каменных оград и живой изгороди – в объективе выглядело еще более красивым. Влажная зелень и готическая архитектура создавали впечатление, будто я попала в сказку братьев Гримм... или в свое детское королевство фей.

Только теперь в этом королевстве поселилась смерть: ее присутствие выдавала желтая полицейская лента, перегородившая вход в один из корпусов.

Я подошла ближе. Над закрытыми дверями висели ржавые буквы: «КАЛГАРИ», чуть дальше сиротливо болтались «Х» и «Л». Деревья вплотную подобрались к зданию и обвинили крышу ветвями, словно завернув его в живой кокон.

Название показалось мне знакомым – оно мелькало в новостях: именно здесь нашли погибшего студента. Я не удержалась и щелкнула фотоаппаратом. Пластиковая лента на фоне изъеденного временем камня смотрелась эффектно, хоть и жутковато.

– Заблудилась, что ли?

Не поймите неправильно, но от грубоватых мужских голосов у меня всегда бегают по коже мурашки – а этот оказался особенно колючим. Я обернулась и увидела у подножия лестницы мужчину. Он стоял, скрестив на груди руки, и буравил меня взглядом зеленых глаз. На вид незнакомец был

немногим старше меня, весь одет в черное: рубашка-поло с длинным рукавом, штаны-карго, высокие, плотно зашнурованные ботинки.

Ух ты... Прямо-таки мой типаж. Красавчик и явно редкостный гад.

– Ничего подобного, – ответила я, натянув на губы фирменную улыбку в стиле «отвали, дружок». – Трудно не заметить желтую ленту на месте убийства.

Он тоже улыбнулся, но его улыбка больше напоминала оскал. От таких по спине всегда пробегает холодок.

– Ага, значит, заметила... Только читать не умеешь, раз шляешься где ни попадя?

Я заставила себя стоять спокойно. В его лице было что-то пугающее. Скулы резко выдавались вперед. Зеленые глаза казались слишком яркими и цепкими. Они глубоко сидели под густыми бровями того же медового оттенка, что и волосы, растрепанные на макушке и коротко подстриженные на висках. Губы были мягкими, даже детскими на вид... но тяжелый взгляд все портил.

Не передать словами, до чего этот тип был красив. В животе что-то болезненно екнуло. В голосе прорезался сарказм:

– Мне казалось, на ленте написано «Осторожно», а не «Держаться на расстоянии десять метров». Я не вижу таблички, которая запрещает мне здесь ходить.

Его улыбка растаяла как сосульки весной. Мужчина начал подниматься по ступеням. Я скрестила на груди руки, жалея,

что не ушла раньше: на черной футболке обнаружился логотип службы безопасности.

Прекрасно... Я нахамила охраннику.

Он встал рядом и наклонился, заглядывая мне в лицо.

– Как тебя зовут?

Голос был хрипловатым и требовательным. У меня перехватило дыхание, будто незнакомец взял меня за горло и сдавил пальцы. Я невольно закусила губу и, поправив очки на носу, буркнула:

– Алекс.

Не хотелось в первый же день наживать себе проблем. Если охранник решит доложить обо мне, будет не слишком весело. Но он просто покачал головой и прищурился.

– Нет. Врешь.

Горло сдавило сильнее. Мне почти физически захотелось дотронуться до него – проверить, все ли в порядке. Откуда эта паника? Что со мной не так? Может, не стоило нарываться с самого начала?

Впрочем, теперь уже поздно.

Я стояла спиной к закрытым дверям Калгари-холла. Охранник полностью загородил мне путь. Он выпрямился, медленно поднял руку и оперся о дверь прямо над моей макушкой. В этот момент я ощутила не только, что меня душат, но и словно на голову наваливается тяжесть. В ухо будто зашептали едва различимые угрозы. Я не могла разобрать слов, но ощущение было настолько жутким, что сердце в гру-

ди замерло.

– Рэйлин! – торопливо выпалила я.

И сразу же все отпустило. Тяжесть в голове исчезла. Что это было? Показалось? Скакнуло давление? Или этот тип и правда умеет играть на нервах? Я обняла рюкзак, прижав его к груди, и добавила:

– Раз ты ведешь себя как последний козел, я уйду.

Мужчина громко фыркнул: то ли от смеха, то ли от раздражения. Лицо его оставалось каменным, без эмоций, но взгляд настойчиво сверлил меня, будто этот тип пытался прочитать мои мысли. Наконец охранник отступил, освобождая проход.

– Смотри под ноги, девочка, – бросил он, будто не услышав, как меня зовут. – А то вляпаешься в неприятности.

В душе шевельнулся интерес: что за «неприятности» он имеет в виду? Подобный красавец мог бы доставить мне множество проблем... Стыдно признать, но яркие глаза и хриплый голос моментально стерли из памяти все обеты обходить подобных придурков стороной.

Я торопливо зашагала прочь, чувствуя спиной сверлящий взгляд. Дернула плечами, будто могла стряхнуть с себя навязание. Сказала себе, что все под контролем, но внутри меня колотило сильнее, чем хотелось бы.

И тут произошло нечто странное – словно невидимая веревка обвилась вокруг лодыжки, скрутилась узлом и...

И конечно же, мои непростые отношения с гравитацией

снова дали о себе знать.

Я запнулась о собственные ноги, и старый рюкзак, увешанный значками, не выдержал – лопнула лямка. Все содержимое рассыпалось по мокрой траве: учебники, тетради, бумаги. Пластиковый стакан с холодным кофе треснул и окатил мои кеды бурой жидкостью.

Я застыла на секунду, любуясь всем этим «великолепием». Медленно опустилась на колени и стала собирать вещи. Спиной чувствовала взгляды проходящих мимо студентов: им было неловко, они не знали, помочь мне или ускорить шаг. Щеки вспыхнули. Я обернулась. Разумеется, охранник тоже пялился.

На его лице мелькнула кривая ухмылка. Он выразительно посмотрел на разбросанные по траве вещи, словно говоря: я же предупреждал.

Улыбка, будь она на другом лице, могла бы выглядеть очаровательной. Но какой он все-таки засранец! Хотя... кого я обманываю? Даже эта гримаса казалась мне обворожительной. Предательское нутро отозвалось трепетом.

– Ой, Рэй, что стряслось?

Засовывая книгу в бесполезный рюкзак, я подняла голову и увидела Инайю. Ее ярко-желтый дождевик резко выделялся на фоне общей серости. Подруга торопливо бежала ко мне по лужайке. Она сочувственно ахнула, увидев мое состояние: я пыталась встать на колени так, чтобы не задиралась юбка; легинсы промокли и испачкались, очки сползли

на нос.

– Надо же, опять проклятие первого дня сработало, – сокрушенно покачала головой подруга. – Всегда что-нибудь ломается или падает.

Она присела рядом и начала быстро собирать мои книги, пока я сгребала в кучу мокрые тетрадки. Потом подержала вещи, а я попыталась хоть как-то связать порванную лямку рюкзака.

– Дальше будет легче, не волнуйся.

С обиженной гримасой я надула губы, но, не выдержав, потом рассмеялась. Иная обняла меня, я взяла ее под руку, и мы направились через двор.

– Вижу, ты познакомилась с нашим новым охранником. Его зовут Леон, – сказала она, обернувшись.

– О да, он тот еще тип, – пробурчала я, хотя мысленно все еще прокручивала каждую секунду нашего странного диалога. Я легонько шлепнула Инайю по руке. – Почему ты не сказала, что тут произошло убийство?!

Закатив глаза, она простонала:

– Потому что нормальные люди, услышав такое, впадают в панику. Я не хотела портить тебе приезд, странная ты моя.

Она покачала головой.

– Жутко, конечно. Ничего подобного тут раньше не случилось...

Мы направились к площадке с четырьмя каменными скамейками, которую окружали высокие деревья с ярко-крас-

ной листвой. Там уже сидело несколько студентов. Когда мы подошли ближе, Иная радостно замахала им рукой.

– Наконец-то я смогу тебя всем представить! – взволнованно прошептала она.

Высокий мужчина в сером пальто вскочил и с широкой улыбкой раскинул руки.

– Неужто сама мисс Рэйлин Лоусон! – пророкотал он и с хохотом сграбастал меня в охапку. Иная захихикала. – Давно не виделись. Клянусь, ты подросла!

– Ха-ха, очень смешно! – фыркнула я, когда меня наконец поставили на землю. Трент, жених Инайи, окончил университет два года назад и, по ее рассказам, теперь работал в инвестиционной компании в Сиэтле. – Это все ботинки на толстой подошве, я надела их специально, чтобы дотянуться тебе до плеча.

Трент засмеялся и чмокнул Инайю в лоб. Она кивнула на двух студентов, сидящих рядом.

– Рэй, знакомься: Иеремия и Виктория Хэдли.

С первого же взгляда стало ясно, что они близнецы – светло-русые волосы, темно-синие глаза, бледная кожа. Даже веснушки на носах одинаковые. Они выглядели как типичные школьные «звезды». Виктория – словно модель с обложки: идеально гладкая прическа, острые ногти с черным лаком, на губах – светлый блеск. Иеремия – типичный качок: высокий, мускулистый, с квадратной челюстью и самодовольной, но не слишком раздражающей ухмылкой.

– Их отец, считай, владеет здешним университетом, – подмигнула Иная. – Так что с жалобами – сразу к ним.

Виктория закатила глаза и простонала, а Иеремия покачал головой.

– Нет-нет-нет. Университет вовсе не наш.

– На самом деле, – добавила Виктория, доставая из кармана черного дождевика серебристый тонкий вейп и делая затяжку, – папе принадлежат только три здания. В первую очередь библиотека Хэдли.

Она кивнула на массивное сооружение, занимавшее всю восточную часть кампуса. Над входом виднелась витражная арка, а сам корпус был окружен деревьями.

– Если нужна какая-нибудь книга – только скажи. Всё устроим!

– Здорово, спасибо.

Я запомнила на будущее. Доступ к библиотеке полезен для моих расследований. Не все можно найти в интернете, особенно старые или редкие тексты.

– Какая красота... – пробормотала я, разглядывая витраж.

– Спасибо, – пожала плечами Виктория, будто комплименты библиотеке отца были для нее привычным делом. – Но хватит о нас. Расскажи о себе, мисс Калифорния. Кто ты по гороскопу? Что любишь? Чем занимаешься?

– Э-э-э... Стрелец, – пробормотала я, откашлявшись и теребя узел на лямке рюкзака. – Учусь на режиссера, обожаю фотографию... ну и вообще...

– Режиссера, значит? – усмехнулся Иеремия. – Актеры тебе случайно не нужны?

Я нервно хихикнула, но тут на выручку подоспела Иная:

– Расскажи им про свой блог! Про свои расследования!

– Расследования? – переспросила Виктория, приложив палец к подбородку. – То есть ты сыщик?

Я растянула губы в фальшивой улыбке, готовясь к косым взглядам.

– Ну, почти... Я снимаю ролики о городских легендах, страшных историях... э-э-э... паранормальных явлениях...

– Она ловит призраков, – пояснила Иная.

К моему облегчению, Иеремия и Виктория не расхохотались и не закатили глаза. Напротив – явно заинтересовались.

– Да? – Иеремия подался вперед. – Тебе удалось что-нибудь заснять? Настоящего призрака?

– Ну... – Я пожала плечами и села рядом с Инойей. – Были странные голоса, световые шары, тени. Хотелось бы, конечно, чего-то более значимого: фигуру, силуэт... или хотя бы облако, напоминающее человека.

– О, если тебе нужны страшилки, ты попала по адресу, – протянула Виктория, прищурившись и постукивая ногтями по вейпу. – Ты ведь местная, да? Отсюда родом?

Я кивнула.

– Да. Папа здесь родился и вырос. Лоусоны жили тут с давних пор.

– Как и наша семья, – закивала Виктория с натянутой

улыбкой. В ее лице мелькнуло что-то странное. – Тогда ты знаешь, насколько здесь весело. Призраки, полтергейсты, демоны, всякие потусторонние твари...

Она бросила взгляд за мою спину – туда, где возвышался Калгари-холл.

– А теперь еще и убийства.

Мы все обернулись. Здание ничем не отличалось от прочих, если бы не желтая лента и тот симпатичный наглец-охранник, стоящий у входа. Я торопливо отвернулась.

– Говорят, Калгари-холл закрыли, потому что не могут отмыть кровь с камней, – сказала Виктория. – Тело нашли первокурсники. Они-то и вызвали полицию. Этот парень учился на втором курсе...

– На третьем, – уточнил Иеремия. – Маркус был на третьем.

– Пусть на третьем, какая разница, – отмахнулась Виктория. – В общем, его звали Маркус Кайнс. Беднягу восемь раз пырнули ножом и...

– Девять, – вставил Иеремия.

– Господи, братец, дай договорить! Его девять раз пырнули ножом. Кровь была повсюду; беднягу, считай, выпотрошили. Кто-то даже заснял труп на видео.

– Убийца? – ахнула я.

– Нет, – покачала головой Виктория. – Никто не знает, кто именно. Или не говорит. Но видео сняли перед самым приездом полиции. Жуткое зрелище.

– Хочешь, покажу? – предложил Иеремия, доставая телефон. – Кто бы мог подумать, что в человеке сколько крови.

– Боже, ребята, это отвратительно! – воскликнула Иная, отталкивая руку Иеремии, который пытался сунуть мне телефон. – Вы серьезно? Парня еще не похоронили толком, а вы!..

Иеремия флегматично откинулся на спинку скамьи, продолжая что-то листать в телефоне. Меня охватило странное гнетущее любопытство.

– Кого-то он изрядно разозлил... – бормотал Иеремия. – Раз его прямо в коридоре зарезали.

Я вновь посмотрела на Калгари-холл. В этом неприметном на вид здании убили человека. Причем зверски. Почему?

Что могло довести до такой ярости – девять ударов ножом?

Леон по-прежнему стоял у подножия лестницы. Даже отсюда, на расстоянии и сквозь очки, я видела, как он смотрит на меня. Зеленые глаза ловили тусклый свет и сверкали, словно золотая фольга на солнце.

Во французском языке есть такое выражение *l'appel du vide* – зов пустоты. Это когда тебе вдруг хочется шагнуть в пропасть или броситься под машину, даже понимая всю опасность затеи. Как бы ты ни гнал эти мысли, они упорно возвращаются. *А что, если?.. А вдруг?..*

Когда наши взгляды пересеклись, пустота позвала меня

громче: «Что, если?..»

– Ой, черт, мне же на пару! – воскликнула Иная, взглянув на экран телефона.

Она резко вскочила и обняла меня. Трент помог ей собрать вещи, и они вместе направились в сторону учебного корпуса.

– Пока, ребята! Рэй, напиши мне! Сходим куда-нибудь вместе!

– Мне нужно заниматься расследованием! – крикнула я вслед. – Надо найти какое-нибудь страшное место. Срочно нужен контент!

– Рэй, дашь свой номер? – Виктория достала телефон в ярко-синем чехле с болтавшейся на цепочке подвеской в виде серебряной короны. – Вдруг подвернется что-нибудь интересное – сразу напишу. – Она тепло улыбнулась. – Знаю, как непросто заводить новых друзей.

Я продиктовала номер, радуясь, что все складывается как нельзя лучше. Краем глаза заметила, как Иеремия что-то печатает в своем телефоне. Может, померещилось... но, кажется, он тоже записал мой номер.

Когда я направилась на следующую пару, то на прощание снова посмотрела на крыльцо Калгари-холла, однако Леона там уже не было.

5. Леон

Если еще немного посижу в этой бетонной клетке и продолжу ублажать себя в одиночку, то окончательно озверею. У демонов есть свои нужды: мы жаждем удовольствия и разрядки так же остро, как обычные люди – воды и пищи.

Поэтому как бы я ни презирал Кента, когда он заявил, что с началом семестра мне предстоит охранять кампус, я едва не расцеловал его ботинки.

Еще чуть-чуть – и правда пал бы на колени. Сам не знаю, как удержался. Даже не помню, сколько времени прошло с тех пор, как мне давали хотя бы крупицу свободы.

Жертвоприношение Кента пробудило не только древнее божество. Оно привлекло Эльдов – древних лесных тварей,

питающихся кровью, магией и болью. Теперь, с пробуждением божества, они стали нервничать, а скоро и вовсе начнут выползать из глубин леса на охоту.

Кент не хотел паники в городе. Мне было велено не подпускать Эльдов к людям и уничтожать их сразу же, как только увижу. Задача не из легких – но, увы, нарушать прямые приказы я не вправе. Впрочем, я бы и сам с радостью перебил всех тварей подчистую, если бы за это получил их охотничьи уголья.

Эльды пожирают человеческую плоть. Я же утоляю голод иначе: через удовольствие, боль и кровь, через искушение и извращение в чистом виде. Люди – добыча легкая. Они добровольно затачивают себя в клетку моральных запретов и отказываются от наслаждения, видя в нем грех. Но покажи им легкую тропу к разврату, намекни, что все запреты можно обойти, – и они сами преподнесут себя на блюдечке. Мне останется только выбрать, с кого начать трапезу.

Поначалу студенты обходили меня стороной. Инстинкт самосохранения подсказывал им то, что не видят глаза; люди чуяли мою хищную природу, поэтому площадка перед закрытыми дверьми Калгари-холла долго оставалась пустой.

Пока не появилась она.

Взбежала по ступенькам – дерзкая, яркая, пахнувшая шалфеем, мятой и горячей кожей. Не удостоила меня даже взглядом, будто в ней напрочь отсутствует инстинкт самосохранения. Ее ангел-хранитель явно махнул рукой и позволил тво-

ритель все, что заблагорассудится.

Девчонка была маленькой – ростом, но не душой. Прижимала к груди огромный фотоаппарат и снимала все подряд. Черная джинсовая куртка висела на ней мешком, на ногах болтались кожаные ботинки на пару размеров больше нужного, плечи оттягивал набитый доверху рюкзак. Под широкой одеждой угадывались аппетитные формы – грудь, талия, бедра так и просили облапать их и оставить следы.

Меня окатило жаром. Еще секунда – и маска слетит. Если позволю охотничьему инстинкту взять верх, смертные не просто будут обходить меня стороной, а разбегутся с дикими криками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.